

К. Леви-Строс

Печальные тропики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Леви-Строс**
Печальные тропики / К. Леви-Строс – М.: Книга по Требованию, 2013. – 150 с.

ISBN 978-5-458-35979-5

Известный французский ученый в 1934 году еще начинающим этнографом совершил свою первую научную экспедицию в глубинные районы Западной Бразилии. Спустя 20 лет собранный им материал послужил основой для написания снискавшей большую популярность книги, в которой автор в художественной форме описал природные условия, быт, уклад жизни и культуру местных индейцев, почти не известных в то время в науке. Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-458-35979-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

магистрала, контакты этих племен с пришлым населением были невелики ввиду малочисленности последнего.

Четвертый ареал включает территорию между реками Тапажос и Мадейра. Индейцы, живущие здесь, в большинстве своем говорят на языках тупи. Они подразделяются на племена мауэ, мунду-руку, паритинтин, апиака и др. Те из них, кто живет на севере и западе ареала, имеют постоянные экономические связи с окружающим неиндейским населением и во многом утратили традиционную материальную культуру. Лучше сохранилась старая социальная структура. У индейцев южной и восточной частей названного ареала внешние контакты более редки, чем у их северных соседей.

Пятый ареал — это область верховьев реки Шингу. Большую часть ареала занимает индейская резервация Национальный парк Шингу. Для живущих здесь индейцев камайюра, ауэто, трумаи, суйя, тшикао и других характерны большое культурное единообразие и экономическая, а также и социальная взаимозависимость между племенами, несмотря на то что они различаются по своему происхождению и языкам. У индейцев резервации искусственно сохраняются традиционная культура и социальная организация. В условиях современной Бразилии это обеспечивает им лучшее выживание, чем у тех индейских групп, чья традиционная культура насильственно разрушается в ходе капиталистической колонизации глубинных районов страны.

Бассейн нижнего и среднего течения реки Шингу, речная сеть Токантинса и Арагуаи образуют территорию шестого ареала, большая часть индейского населения которого говорит на языках семьи жес. Главным образом по языковым особенностям живущие здесь племена подразделяются на три группы: тимбира в до-

8

лине Токантинса, кайяпо в долине Шингу и акуэ на крайнем юге ареала. Одни из племен ареала, например паракана, до сих пор в своем большинстве уклоняются от контактов с пришлым населением, другие, например бороро, находятся в состоянии этнического распада и социальной деградации в результате захвата пришлым населением исконных индейских земель, что лишает бороро средств к существованию и вынуждает их нищенствовать.

Индейцы седьмого ареала, занимающего бассейны рек Пиндаре и Гурупипи, принадлежат к языковой семье тупи. Здесь живут тембе, аманапе, туривара, гуажа, урубус-капор, гуажажара. В последние десятилетия наблюдался большой приток бразильских колонистов на север и юг ареала, проникновение на индейские земли сборщиков орехов. Традиционная культура более или менее полно сохраняясь лишь у обитающих в центральной части ареала гуажа и урубус-капор.

Восьмой ареал находится в зоне степей к востоку от реки Парагвай. Здесь живут терана (араваки), кадиуеу (мбайя-гуайкуру) и гуато. Все они в значительной степени утратили традиционную культуру и социальную организацию.

Девятый ареал — река Парана — занимает земли от южной части штата Мату-Гросу до границ Риу-Гранди-ду-Сул. Здесь живут индейцы гуарани, подразделившиеся уже в колониальную эпоху на три группы: кайюа, мбуа и нандева. Они живут попеременно с неиндейским населением, а также с индейцами терана на западе и кай-нканг на востоке.

Десятый ареал занимает территорию между рекой Тиете на севере и Риу-Гранди-ду-Сул на юге и включает внутренние районы штатов Парана и Санта-Катарина. Это густо заселенная область, где наряду с бразильцами много неассимилированных европейских, в частности немецких и японских, иммигрантов. Индейцы этого ареала подразделяются на две близкие по культуре и языку группы — собственно кайнканг и шокленг. Они живут в резервациях, сельскохозяйственные угодья которых недостаточны, чтобы обеспечить существование за счет собственного хозяйства.

Поэтому индейцы систематически работают по найму. Из традиционной культуры они сохранили лишь отдельные обычаи, язык и племенное самосознание.

И наконец, одиннадцатый ареал находится на северо-востоке Бразилии, на территории между рекой Сан-Франсиску и Атлантическим океаном. Здесь кроме бразильского земледельческого и скотоводческого населения живут остатки различных по своему происхождению племен потигуара, шукуру, камбива, атикум, панкарау, фулнио, машакали и др. К настоящему времени почти все эти племена утратили свою территориальную целостность, и индейские селения располагаются чересполосно с деревнями неиндейского населения. Все племена ареала, кроме фулнио и машакали, утратили свои языки и традиционную культуру. Однако окончательная ассимиляция индейцев ареала сдерживается как антииндейскими предрассудками, распространенными среди местного бразильского населения, так и различиями в социальном положении между индейцами и неиндейцами, обусловленными, в частности, наличием в названном ареале индейских резервационных земель при постах Индейского национального фонда.

То расселение индейцев, о котором мы рассказали, в известной степени отражает размещение индейских племен по территории Бразилии к началу португальской колонизации, то есть к XVI веку. Тогда коренное население насчитывало несколько миллионов человек. К нашему столетию по многим

причинам и в большой мере в результате массового уничтожения и порабощения индейцев страны европейскими завоевателями оно сократилось до 200—500 тысяч человек. Как уже говорилось, многие индейские племена в послевоенные годы вообще прекратили свое существование, а некоторые в значительной степени утратили самобытную культуру.

В начале XX века многие факты о трагическом положении индейцев выявились и стали известны бразильской общественности в результате работы так называемой телеграфной комиссии, возглавлявшейся Кандидо Мариано да Сильва Рондоном, упоминаемым Леви-Стросом. Эта комиссия, прокладывая телеграфную линию через северную часть Мату-Гросу, встретила на своем пути много индейских племен и установила с ними мирные отношения. Тем самым она опровергла широко распространенную в то время в Бразилии легенду о свирепости и кровожадности индейцев,— легенду, использовавшуюся для оправдания истребления коренного населения страны.

Отчеты комиссии привлекли внимание прогрессивных кругов бразильской общественности к судьбам коренного населения. В 1910 году Рондону при поддержке передовых кругов городского населения удалось добиться создания государственной организации «Служба защиты индейцев», которую он и возглавил. Девизом этой организации стали слова Рондона: «Умереть, если нужно, но никогда не убивать».

В начальный период деятельности «Службы защиты индейцев», когда ею руководили люди, искренне стремившиеся облегчить участь коренного населения, этой организации удалось несколько смягчить тяжелые последствия столкновения индейцев с капиталистическим обществом. Но в то же время проводившаяся «Службой защиты» работа по «умиротворению» индейских племен глубинных районов объективно создавала предпосылки для проникновения в эти районы носителей капиталистических отношений: разного рода предпринимателей, спекулянтов землей, скотоводов, латифундистов и тому подобных, вытеснявших «умиротворенных» индейцев с их исконных земель. Таким образом, деятельность по «умиротворению» непокорных племен вне зависимости от желания тех, кто ее осуществлял, служила прежде всего интересам капиталистического освоения новых районов. Чтобы как-то уберечь индейцев от последствий этого освоения, «Служба защиты» создала более сотни своих постов в районах расселения отдельных племен. При этих постах были выделены земли (составлявшие, как правило, лишь не-

10

большую часть прежних племенных земель) для использования их исключительно индейцами. Иногда такие резервационные земли способствовали консолидации индейских этнических общностей (например, терена, частично тукана), препятствовали их распылению и деэтнизации.

Вместе с тем даже в начальный период деятельности «Службы защиты индейцев» эта организация исходила из постулата о неизбежности поглощения индейских обществ национальным. Как справедливо считает известный индеанист Кардосо де Оливейра, политика «Службы защиты индейцев» была направлена на то, чтобы подавить стремление индейских обществ к самоопределению. По существу политика защиты индейцев, осуществлявшаяся названной организацией, носила патронажный и филантропический характер. Идее миссионеров о религиозном «обращении дикарей» как пути к спасению их душ пришло на смену мнение руководства «Службы защиты», что «спасение» индейцев может быть достигнуто посредством технической эволюции их хозяйства и участием в производстве товаров, имеющих коммерческую ценность для бразильского общества. Такая тенденция привела к превращению постов «Службы защиты» в коммерческие предприятия.

В результате частых смен руководства «Службы защиты» эта организация с течением времени все дальше отходила от задач защиты интересов коренного населения и все больше превращалась в послушное орудие тех бразильских кругов, которые стремились как можно быстрее очистить вновь осваиваемые земли от индейских племен. Но даже тогда, когда отдельные служащие названной организации действительно стремились защитить своих подопечных от насилий и притеснений, они по большей части ничего не могли сделать, так как «Служба защиты» не располагала ни необходимыми финансовыми средствами, ни юридическими правами для реального выполнения формально возложенных на нее функций.

В середине 60-х годов в ходе подготовки к осуществлению программы освоения глубинных районов страны, о чем уже говорилось выше, правительство Бразилии сочло целесообразным ликвидировать маломощную и полностью дискредитировавшую себя «Службу защиты индейцев» и создать вместо нее так называемый Индейский национальный фонд (ФУНАИ). Эта государственная организация формально должна была заботиться об индейцах, с тем чтобы в кратчайший срок превратить их в плотников, строительных рабочих и т. п. В тех же случаях, когда это невозможно или невыгодно, Индейский национальный фонд переселяет индейцев в места, не представляющие интереса для промышленного освоения или сельскохозяйственной колонизации.

Попытка быстро ассимилировать индейцев, превратив их в резерв наиболее бесправной и дешевой рабочей силы страны, совершенно нереальна. Как отмечал несколько лет назад Орландо Вилас-Боас в

своем выступлении перед выпускниками университета Бразилии, фактически те, кто призывает к быстрой ассимиляции коренного населения, видят в существовании индейцев препятствие для развития Бразилии, «темное пятно на сверкающей дороге прогресса, которое надо удалить во имя цивилизации». Однако пионерный фронт Бразилии — серингейрос, гаримпейрос, сборщики орехов, являющиеся наиболее отсталой частью населения страны, не способны ассимилировать коренное население. В южной части Бразилии, в штатах Парана, Сан-Паулу, на юге штата Мату-Гросу на постах Индейского национального фонда живут индейцы кадиувеу, гуарани, кайнканг, давно вовлеченные в национальную экономику, но никто из них не ассимилировался полностью. Все названные племена сохраняют самосознание, язык и остатки традиционной культуры, но они не счастливее своих предков. Терпя неудачу в попытках быстро ассимилировать индейцев, ФУНАИ стремится максимально использовать их как рабочую силу и в результате превратился в государственную организацию по эксплуатации индейцев. При этом для индейцев, работающих на Индейский национальный фонд, предусмотрена минимальная, установленная для данного района Бразилии заработная плата, но и ею они не могут распорядиться сами. Все покупки контролируются, по крайней мере официально, служащими ФУНАИ. В его пользу также отчисляется существенная часть от любых доходов индейцев резерваций. Это так называемая рента индихена, которая формально должна составлять 10 процентов от доходов индейцев, а фактически значительно превышает эту долю. Даже такие благожелательно относящиеся к деятельности ФУНАИ исследователи, как Э. Брукс, Р. Фуэрст, Дж. Хемминг и Ф. Хаксли, в своем отчете о положении бразильских индейцев за 1972 год были вынуждены признать, что рента индихена является скрытым налогом, которым государство облагает индейцев и за счет которого финансируется деятельность Индейского национального фонда. Например, индейцы гавиозс, живущие к востоку от реки Токантинс, работают на сборе бразильского ореха. Его рыночная цена составляла в начале 70-х годов от 60 до 100 крузейро за гектолитр. ФУНАИ платил индейцам за то же количество 17 крузейро, из которых, по утверждению сборщиков, 10 забирал в свою пользу назначенный фондом «капитан» резервации.

Таким образом, ФУНАИ действует не в интересах индейцев, а в целях пособничества экспансии бразильского капитализма. В этом отношении Индейский национальный фонд не отличается от «Службы защиты индейцев» в последний период ее существования. Индейские земли продаются бразильскими властями частным лицам. Например, так была продана большая часть земель индейцев нам-биквара в Мату-Гросу. Продаются даже земли, на которых стоят индейские селения. Служащие же ФУНАИ в своей основной массе не только не препятствуют этому, но, по утверждению известного исследователя современного положения бразильских индейцев В. Хенбери-Тенисона, сами занимаются устранением индейцев с пути «прогресса», часто не зная при этом ни численности индейцев, ни названий племен, ни их точного расселения.

Служащие постов Индейского национального фонда сдают зем-

72

ли резерваций в аренду неиндейцам, забирая себе арендную плату. О подобной практике в резервациях индейцев хокленг и кайнканг на юге Бразилии пишет С. Коэльо дос Сантос. При этом индейцы используются арендаторами в качестве батраков за плату ниже гарантированного минимума. Таким образом служащие постов и местные латифундисты совместно эксплуатируют местное население. Нередко Индейский национальный фонд разрешает частным фирмам разрабатывать природные богатства на территории резерваций. В резервации Арипуана, где после «умиротворения» были поселены индейцы суруи, с началом деятельности там частных фирм среди этих племен стали распространяться туберкулез и различные хронические болезни, что привело к резкому возрастанию смертности. А индейцев паракана, по сообщениям бразильской печати, заразили венерическими болезнями сами служащие Индейского национального фонда.

Мы уже упоминали о том, какие губительные последствия для индейцев имеет проведение через территорию резерваций автомобильных дорог. Но это строительство продолжается. Несмотря на борьбу прогрессивной общественности Бразилии против планов строительства автострады в так называемом Национальном парке Шингу, единственной резервации страны, где численность индейцев в последние десятилетия не только не падала, а даже увеличивалась благодаря самоотверженной заботе о племенах района известных всему миру братьев Вилас-Боас, эта дорога, разрезавшая территорию «парка», была построена. Только за три года, с 1972 по 1975, численность крен-акароре, живших в районе строительства, уменьшилась с пятисот до восьмидесяти человек из-за эпидемий, убийства индейцев строителями и тому подобных причин. Остатки этого племени были недавно перевезены братьями Вилас-Боас в отдаленную часть резервации.

Трансамазонская магистраль, прошедшая через резервации не только намбиквара, но и пареси, привела к нарушению традиций? ного образа их жизни, разрыву связей между территориальными группами племен, распространению среди индейцев нищенства и проституции.

В 1974 году анонимная группа бразильских этнографов представила Индихенистскому институту в

Мехико составленный ими документ, озаглавленный: «Политика геноцида против индейцев Бразилии». В нем делается вывод, что положение бразильских индейцев сейчас во многих отношениях хуже, чем когда бы то ни было.

Одним словом, в Бразилии продолжается геноцид и этноцид коренного населения, которые были иронически названы Х. Берге-сом в статье, опубликованной в одном из кубинских изданий, «ступенями приобщения бразильских индейцев к цивилизации» (конечно, автор имеет в виду капиталистическую «цивилизацию»).

Итак, политика Индейского национального фонда, как и политика его предшественницы «Службы защиты индейцев», не обеспечивает решения индейской проблемы в Бразилии. Те служащие

13

ФУНАИ, кто не согласен с политикой, «в которой корыстные интересы ставятся выше интересов индейцев», вынуждены уходить из этой организации. Покидая ее, один из видных индеанистов-практиков — А. Котрим Нето заявил, что продолжение нынешней политики приведет к полному исчезновению индейцев. Называются даже даты, когда это случится. Многие индеанисты убеждены, что последний индеец исчезнет в Бразилии прежде, чем наступит третье тысячелетие.

Руководство ФУНАИ утверждает, правда, что дело обстоит совсем не так плохо и что в Бразилии в середине 70-х годов насчитывалось 180 тысяч индейцев, из которых около 70 тысяч находилось в сфере деятельности названной государственной организации. Однако эта оценка не подкрепляется соответствующими данными по отдельным племенам и не принимается, пожалуй, ни одним из известных индеанистов. Как отмечает один из лучших знатоков индейской проблемы в Бразилии — Ж. Мелатти, «индейские общности исчезают двумя путями: через ассимиляцию их членов в бразильском обществе или в результате вымирания. В первом случае индейские общности исчезают, но люди, составлявшие их, сохраняются как члены бразильского общества. Во втором — исчезают и общности, и люди. И этот второй вариант встречается гораздо чаще, чем первый».

Уменьшению численности индейцев способствует и практикующаяся в некоторых резервациях стерилизация индейцев под предлогом, что деторождение вредно для здоровья той или иной женщины или что при меньшем числе детей их легче вырастить. Так, в резервации Вануире в штате Сан-Паулу, где живут индейцы кайн-канг, операция стерилизации сделана почти половине женщин бракоспособного возраста.

В целом на протяжении XX века перестали существовать не менее сотни племен бразильских индейцев. Более точную цифру трудно назвать, так как не всегда ясно, когда речь идет о племени, а когда о его подразделении. В середине века, по мнению весьма авторитетного бразильского исследователя Д. Рибейро, в этой стране сохранялось менее чем полторы сотни племен, причем в некоторых из них было лишь по несколько членов. В начале 80-х годов столь же компетентный индеанист Кардосо де Оливейра насчитывал 211 племен. В какой-то степени это увеличение связано с обнаружением новых, дотоле неизвестных племен или же остатков племен, считавшихся навеки исчезнувшими. Из племен, неизвестных еще несколько десятилетий назад, можно назвать индейцев шота реки Параны, первые контакты с которыми датируются 1955 годом. Тогда их было сто, а к 1970 году осталось пять или шесть человек. Пока еще не исчезли, но очень сильно сократились в численности тупи-кавахиб, которые упоминаются Леви-Стросом среди племен, находящихся на грани вымирания. Последующие исследования, казалось, подтвердили предположения Леви-Строса. Д. Рибейро в 50-х годах писал об одной из двух групп тупи-кавахиб, а именно об итогапук, как об исчезнувшей. Но позднее они

14

были снова обнаружены. К 70-м годам итогапук вместе с бока-негра, другой группой тупи-кавахиб, насчитывали около сотни человек, избегавших всяких контактов с неиндейским населением.

Известны и другие подобные примеры. Можно, как это делают некоторые ученые, не соглашаясь с оценкой численности современного индейского населения Бразилии в 50—70 тысяч человек, которую дает В. Хенбери-Тенисон, и считать, что она выше и составляет 100—120 тысяч человек, как, например, полагает Кардосо де Оливейра. Но эти разночтения не меняют той непреложной истины, что численность коренного населения Бразилии быстро сокращается и одно племя за другим уходит в небытие. С этим согласны все, кто изучает индейцев.

Не вызывает споров и то, что подавляющее число бразильских индейцев в значительной степени подверглось влиянию капиталистического общества, чему способствовала в последние десять-пятнадцать лет так называемая внутренняя колонизация глубинных районов страны.

К началу 80-х годов примерно лишь 20 процентов общего числа известных племен бразильских индейцев не имели более или менее постоянных контактов с неиндейским населением и жили в сравнительной изоляции от мира капитализма. Подавляющее большинство таких групп обитают в

амазонской сельве, причем не вдоль главного русла реки, а на боковых, часто несудоходных притоках. Труд-недоступность многих районов Амазонии способствовала тому, что индейцы до сих пор сохранились в штатах Пара, Амазонас, Акри, Рондония и в федеральной территории Рорайма, где живет 60 процентов общего числа известных бразильских племен. На штаты Мату-Гросу, Мату-Гросу-ду-Сул и Гояс приходится 22 процента племен, а на северо-восток, юго-восток и юг Бразилии — соответственно 12, 4 и 2 процента. В процентном отношении индейцы составляют ничтожную долю от 122-миллионного населения Бразилии. Но, как замечает Кардосо де Оливейра, ошибочно считать, что индейцы сегодня не имеют в Бразилии заметного политического веса.

В последние годы вопрос о положении индейцев глубоко проник в общественное сознание бразильцев. Теперь никто не скажет, что в Бразилии нет индейцев, как сказал полвека назад Леви-Стросу посол этой страны во Франции. В середине 70-х годов в одиннадцати штатах Бразилии возникли шестнадцать добровольных обществ «Помощи индейцам», «Друзей индейцев» и с иными сходными названиями. Появление этих обществ было следствием нескольких причин: общего подъема демократического движения в Бразилии после долгих лет правления военной диктатуры, увеличения контактов с индейцами в ходе промышленного и сельскохозяйственного освоения бразильского Севера и, наконец, начала политической борьбы за свои права самих индейских племен, главным образом на севере страны. С 1974 по 1981 год состоялось пятнадцать конференций вождей индейских племен. В одной из последних встреч приняли участие 54 вождя и старейшины из 25 племен.

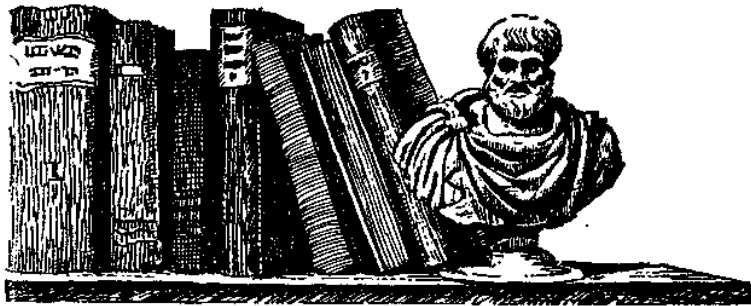
15

Летом 1981 года на четырнадцатой конференции вождей, состоявшейся в столице Бразилии, был создан «Союз индейских народов» (УНИНД), который будет вести переговоры с правительством, и особенно с Индейским национальным фондом, чтобы добиться выполнения так называемого статута индейца — закона, принятого в 1973 году и призванного охранять права коренного населения. Этим законом гарантируются материальные права индейцев, в том числе на занимаемые ими земли, право на сохранение своих обычаев, на медицинское обслуживание и обучение на родном и португальском языках. К сожалению, за 10 лет, прошедших со времени принятия этого закона, из всех его положений главным образом выполнялось одно — право государства выселять индейцев с их земель во имя «высших интересов нации» и «национальной безопасности». Тем не менее закон служил юридической основой для борьбы прогрессивных сил страны за права индейцев, правда, чаще всего безуспешной. И когда в середине 70-х годов бразильское правительство вознамерилось отменить закон о положении индейцев под предлогом их эмансипации от опеки властей, в защиту названного закона выступили как широкие демократические круги Бразилии, так и сами индейцы. Как заявил один из лидеров «Союза индейских народов» — Сатаре-Моуэ, «ФУНАИ саботирует наши права, записанные в статуте индейца. Мы должны объединиться, чтобы бороться с ФУНАИ за осуществление своих прав». А другой вождь, Паташо, сказал: «Наша борьба — это борьба ради всех индейских общин Бразилии, а не только тех, вожди которых собрались на конференцию».

Исход противостояния индейцев и ФУНАИ еще не ясен, но несомненно, что в Бразилии возникло индигенистское движение в общенациональном масштабе и наступает конец бесконтрольным и односторонним действиям властей в отношении своих подопечных — коренных жителей страны, заселивших ее земли за многие тысячи лет до появления на Американском континенте европейцев. Нынешняя ситуация далека от той, с которой столкнулся Леви-Строс во время путешествий по Бразилии: изменились и страна, и бразильцы, и главный объект внимания писателя — индейцы. Но понять настоящее трудно, а порой и невозможно без знания проин лого, того прошлого, к которому нас возвращает произведение Леви-Строса.

1. Путевые листки

Оглядываясь назад

Моя карьера решилась телефонным звонком в девять часов утра воскресным осенним утром 1934 года. Звонил Селестен Бугле, в то время директор Высшей нормальной школы. Вот уже несколько лет он

жаловал меня несколько сдержанным расположением: во-первых, потому, что я не был выпускником Нормальной школы, а во-вторых, — и это главное — потому, что я не принадлежал к его «конюшне», к которой он питал весьма особые чувства. Безусловно, он не смог найти лучшего кандидата, ибо спросил меня отрывисто:

—• Вы все еще желаете заниматься этнографией?

—• Конечно!

— Тогда выставляйте свою кандидатуру на должность преподавателя социологии в университете Сан-Паулу. Окрестности города полны индейцев, вы посвятите им свои выходные. От вас требуется дать окончательный ответ до полудня.

Слова «Бразилия» и «Южная Америка» значили для меня тогда не много. Тем не менее я и сейчас самым отчетливым образом вижу картины, которые возникли у меня в мозгу вслед за этим неожиданным предложением. Экзотические страны противопоставались в моем представлении нашим, а слово «антиподы» приобретало более богатый и более наивный смысл, нежели его буквальное значение. Я бы очень удивился, если бы услышал, что какой-то представитель животного или растительного царства может выглядеть одинаково по разные стороны земного шара. Каждое животное, каждое дерево, каждая травинка должны были быть совершенно иными, с первого взгляда обнаруживая свою тропическую природу. Бразилия представала в моем воображении в виде групп изогнутых пальм, скрывающих здания причудливой архитектуры и утопающих в аромате курильниц. Эта деталь, связанная с обонянием, закралась, по-видимому, из-за того, что звучание слов «Bresll» * и «gresiller» ** бессознательно воспринималось одинаково. Тем не

*• Бразилия (франц., прим, перев.).

** Потрескивать (франц., прим, перев.).

менее благодаря ей — и вопреки всему приобретенному опыту — еще и сегодня я думаю о Бразилии прежде всего как о курящемся благовонии.

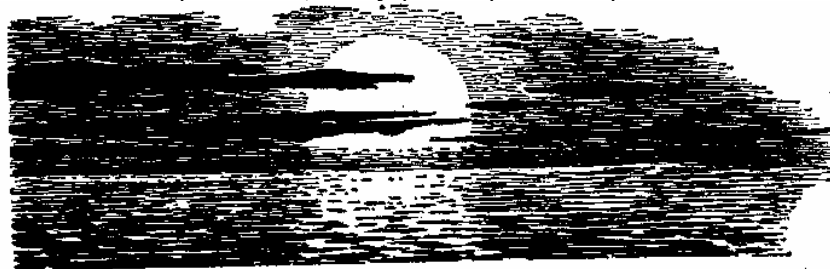
Когда я теперь оглядываюсь на эти картины, они уже не кажутся мне такими произвольными. Я узнал, что точность описываемой ситуации выявляется не столько из каждодневного наблюдения, сколько из терпеливого и постепенного отбора, чье зыбкое понятие, навеваемое ароматом благовоний, возможно, уже напрашивалось на применение. Научная экспедиция заключается в большей мере не в том, чтобы покрывать расстояния на земле, а в том, чтобы делать находки на ее поверхности: мимолетная сценка, фрагмент пейзажа, схваченное на лету размышление — только они позволяют понять горизонты, которые иначе нам ничего не говорят.

В тот момент странное обещание Бугле относительно индейцев ставило передо мной другие проблемы. Откуда он взял, что Сан-Паулу, по крайней мере на своих окраинах, — город индейцев? Безусловно, спутав Сан-Паулу с Мехико-Сити или с Тегусигальпой¹. Этот философ, который некогда написал труд о «Кастовом строе в Индии» *, ни разу не задавшись вопросом, не стоило ли прежде побывать в стране, не думал, что положение индейцев должно накладывать серьезный отпечаток на этнографическое исследование. Известно, впрочем, что он был не единственным официальным социологом, проявлявшим подобное безразличие, примеры которого продолжают существовать и сейчас.

Я был очень удивлен, когда за обедом у бразильского посла в Париже услышал официальное известие: «Индейцы? Увы, мой дорогой меcье, вот уже несколько десятилетий, как они все исчезли. О, это очень печальная, очень позорная страница в истории моей страны. Но португальские колонисты в XVI веке были людьми алчными и грубыми. Стоит ли упрекать их в том, что они разделяли общую жестокость нравов? Они хватили индейцев, привязывали их к жерлам пушек и живьем разрывали на части, стреляя ядрами. Вот так и извели всех до последнего. В качестве социолога вы откроете в Бразилии удивительные вещи, но индейцы... и не думайте о них, вы не найдете больше ни одного...»

Когда я сегодня возвращаюсь к этим словам, кажется невероятным, что они были произнесены устами одного из людей высшего круга Бразилии в 1934 году. Помню, какой ужас охватывал тогдашнюю бразильскую элиту при любом намеке на индейцев и, в более общем плане, на первобытные условия их жизни во внутренних районах страны, исключая разве что признание крови прабабушки-индианки причиной неуловимо экзотических черт чье-то лица (о негритянской крови хороший тон предпочитал умалчивать). Индейская кровь бразильского посла не вызывала сомнения, и он мог бы легко этим гордиться. Однако, живя с отроческих лет во Франции, он потерял представление о действительном положении дел в своей стране, чье место в его голове заняло нечто вроде официального и утонченного штампа. Но поскольку некоторые впечатления забыть было невозможно, он, как и другие, предпочитал скорее чернить репутацию бразильцев XVI века, чем рассказывать о любимых занятиях мужчин поколения его родителей и даже времен его молодости, а именно собирать в больницах зараженную одежду умерших от оспы европейцев и развешивать ее вместе с другими «подарками» вдоль троп, которыми еще пользовались индейские племена. Результат был получен

блестящий: в штате Сан-¹ Паулу, величиной с Францию, который на картах 1918 года еще объявлялся на две трети «неизвестной территорией, населенной исключительно индейцами», в 1935 году, когда я туда прибыл, не было ни одного индейца, если не считать группы из нескольких семей, размещенных на побережье и продававших по воскресеньям на пляжах города Сантуса² так называемые редкости. К счастью, индейцы еще кое-где жили, по крайней мере если не в пригородах Сан-Паулу, то в трех тысячах километрах от него, во внутренних районах страны.

На корабле

Для ученых заря и сумерки — одно явление, и греки думали так же, поскольку обозначали их одним и тем же словом, менявшим смысл лишь в зависимости от того, шла ли речь о вечернем или утреннем времени. Это смешение понятий прекрасно выражает главную идею теоретических построений и странное пренебрежение конкретной стороной вещей. Пусть некая точка Земли непрерывно перемещается между зоной падения солнечных лучей и той зоной, где свет уходит от нее или возвращается к ней. В действительности же ничто не являет собой такого различия, как вечер и утро. Восход солнца — это прелюдия, его закат — увертюра, которая исполнялась бы в конце вместо начала, как в старинных операх. Лик встающего солнца сразу возглашает о погоде, которая затем последует: мрачный и мертвенно-бледный — если первые утренние часы окажутся дождливыми; розовый, легкий, игривый — если будет сверкать ясный свет. Но в смене дня утренняя заря не предрешает ничего. Она дает основание для метеорологического

20

прогноза и говорит: будет дождь или будет хорошая погода. Что касается солнечного заката, то это совсем другое дело. Это законченный спектакль с началом, серединой и концом, нечто вроде миниатюрной картины сражений, триумфов и поражений, которые следуют друг за другом в течение двенадцати часов. Утренняя заря — всего лишь начало дня, сумерки — его повторение. Вот почему люди уделяют больше внимания заходящему, нежели восходящему, солнцу. Рассвет дает им сведения, всего лишь дополняющие показания термометра, барометра; для менее цивилизованных он означает лишь фазы Луны, полеты птиц или колебания приливов и отливов, в то время как закат солнца возвышает людей, объединяя в таинственные конфигурации перипетий ветер, холод, жару и дождь, в которых протекало их физическое существование. Потоки сознания читаются также в неясных созвездиях. Когда на кебе начинают играть краски заката, крестьянин приостанавливает свой шаг на тропинке, рыбак придерживает лодку, а «дикарь»-индеец, сидя у бледнеющего огня, прищуривает глаз.

Воспоминание — великое наслаждение для человека, но только тогда, когда оно оказывается буквальным, ибо не многие согласились бы заново пережить все выпавшие на их долю тяготы и страдания, о которых они тем не менее любят поговорить. Воспоминание — это сама жизнь, но в другом качестве. Поэтому, когда, солнце склоняется к гладкой поверхности спокойной воды или когда его диск разрезает гребень гор наподобие твердого и зазубренного листа, человек открывает именно в этой быстротечной фантазмагии средоточие непроницаемых сил, испарений и зарниц, неясные столкновения которых он смутно чувствовал в глубине самого себя в течение всего дня.

Как видно, сегодня зловещие сражения велись только в душах, ибо незначительность внешних событий не оправдывала подобного атмосферного разгула. Этот день ничем не выделялся. К шестнадцати часам — именно в то время, когда солнце на полпути уже теряет четкость очертаний, но еще сохраняет сияние, когда все смешивается в густом золотистом свете, как бы накопленном намеренно, чтобы замаскировать какую-то подготовку, — наш пароход изменил курс. Никто, впрочем, и не обратил на это внимания, поскольку ничто так ярко не воплощает геометрическое перемещение, как переход в открытом море.

Там нет никакого пейзажа, свидетельствующего о медленном продвижении вдоль широт, преодолении изотерм и плювиометрических кривых. Пятьдесят километров сухопутного пути могут создать впечатление, что вы перенеслись на другую планету, в то время как пять тысяч километров, пройденных в океане, предстают неподвижным ликом, по крайней мере нетренированному взгляду. Ни заботы о маршруте или ориентировании, ни сведения о землях невиданных, но присутствующих за

вздувшимся горизон-7ом—ничто не занимало мыслей пассажиров. Им казалось, что они -"включены внутри сжатых перегоронок на заранее определенный срок не для преодоления какого-то расстояния, а скорее для искуп-

21

ления своей привилегии. Их перевозили с одного конца земли на другой, тогда как они и пальцем не шевелили — уж слишком были расслаблены поздним сном и ленивыми трапезами, которые давно перестали приносить чувственное удовольствие и превратились в развлечение, заполняющее пустоту дней.

Впрочем, к чему проявлять какие-то усилия? Хорошо известно, что где-то в глубине этого большого ящика находятся машины, а вокруг них какие-то люди, которые заставляют их работать. К тому же эти люди не обеспокоены тем, чтобы принимать визиты, как пассажиры не обеспокоены тем, чтобы их делать, а офицеры — тем, чтобы демонстрировать одних перед другими. Оставалось лениво волочить ноги по палубе. Матрос, скупыми мазками наносящий краску на вентиляционную трубу, стюарды в голубой униформе, толкающие щетку с влажной тряпкой в коридоре первого класса,— только они служили доказательством равномерного отсчитывания милей по воде, плеск которой неясно слышался из-под ржавого корпуса.

В семнадцать часов сорок минут небо с западной стороны оказалось загроможденным неким сложным сооружением, снизу совершенно горизонтальным, подобно морю, от которого, казалось, оно и оторвалось, поднявшись непонятным образом над горизонтом или отделившись от него невидимой хрустальной пластиной. За его вершину цеплялись и ниспадали в сторону зенита под влиянием некой обратной силы тяжести неустойчивые нагромождения, вздыбившиеся пирамиды, застывшие вздутия в стиле тех резных изделий, которые могли бы претендовать на изображения облаков, но на которые походили сами облака, настолько их вид вызывал представление о полированном и позолоченном рельефе из дерева. Это запутанное скопление, закрывавшее собой солнце, выделялось темными тонами с редкими проблесками в верхней части, откуда вырывались языки пламени.

Еще выше в небе светлые многоцветные полосы разматывались небрежными изгибами, казавшимися нематериальными и состоящими исключительно из светящейся структуры.

К северу основное сооружение становилось тоньше, поднималось цепочкой облаков, а позади него, очень далеко, отделялась более высокая полоса, вскипающая на вершине.

Со стороны, самой близкой к солнцу—все еще невидимому,—свет окаймлял эти выпуклые украшения мощным рубцом. Ближе к северу рельефные формы исчезали, и оставалась лишь сама полоса, терявшаяся в море.

На юге все еще видна та же полоса, но здесь она увенчана громадными облачными плитами, покоящимися подобно космологическим дольменам³ на курящихся гребнях опоры.

Если повернуться спиной к солнцу и посмотреть на восток, можн но заметить две громоздящиеся друг над другом группы облаков, вытянутых в длину и разделенных падением солнечных лучей на плоскость воздушного, переливающегося розовыми, сиреневыми и серебристыми отблесками укрепления.

22

Все это время позади небесных рифов, загромождавших запад, медленно двигалось солнце. Оно опускалось все ниже, и какой-то его луч то и дело прорывал непроницаемую массу или прокладывал себе путь, разрезая облачную преграду на кругообразные секторы, различные по площади и интенсивности освещения. Иногда свет собирался подобно сжатому кулаку, и сквозь облачную муфту виднелись всего лишь один или два сверкающих и напряженных пальца. Или же из туманных пещер устремлялся осьминог.

В закате солнца наблюдаются две очень разные фазы. Вначале светило выступает зодчим. И только затем, когда его лучи становятся отраженными, а не прямыми, оно превращается в художника. Как только оно скрывается за горизонтом, свет слабеет и являет с каждым мгновением все более сложные конструкции. Полный свет — враг перспективы, но между днем и ночью находится место для архитектуры столь же фантастической, сколь и преходящей. С приходом темноты все сооружение складывается подобно чудесно раскрашенной японской игрушке.

Точно в семнадцать часов сорок пять минут наметилась первая фаза. Солнце стояло уже низко, но еще не касалось горизонта. В момент своего появления из-под облачного сооружения оно показалось лопнувшим яичным желтком, залитым светом те части облаков, от которых оно еще не оторвалось. Это излияние света быстро сменилось его отступлением; окрестности сделались матовыми, и в этом пустом пространстве, образованном теперь расстоянием между верхней границей океана и нижней границей облаков, поднимались волны испарений, только что сверкавшие и прозрачные, а теперь резкие и темные. Вначале плоские, они становились все более объемными. Фазу живописи открыла широкая рдеющая полоса, медленно поднимавшаяся от горизонта к небу.

Мало-помалу высокие сооружения вечера отступили. Масса, которая весь день занимала западную

часть неба, показалась сплюсненной подобно металлическому листу, освещенному сзади огнем, сначала золотистым, потом цвета киноленты и наконец вишневым. И вот уже вишневый огонь растворял, травил поверхность и уносил в виде частиц изогнутые, словно в судорогах, облака, которые постепенно исчезли.

На небе появились многочисленные, подернутые дымкой спле-з тени; казалось, они были растянuty во всех направлениях: горизонтальном, наклонном, перпендикулярном и даже по спирали. Солнечные лучи, по мере того как они угасали (ни дать ни взять смычок, наклоненный или поднятый, перед тем как коснуться нужных струн), поочередно зажигали сначала одно, потом другое переплетение цветовой гаммой. В первый момент каждое из них представляло четким, определенным и хрупким, но прочным как армированное стекло. Затем постепенно оно растворялось, как если бы его перегретая пламенем материя, сгущая краски и теряя свою индивидуальность, расстилалась все более тонкой пеленой, пока совсем не исчезла со сцены, давая дорогу новым, только что возникшим переплетениям. В конце концов остались одни лишь неяс-

23

ные краски, переходящие одна в другую. Так цветные жидкости разной плотности сначала располагаются в бокале одна над другой, а затем медленно начинают перемешиваться, несмотря на кажущуюся устойчивость.

После этого стало очень трудно следить за зрелищем, которое, казалось, повторяется с разрывом в несколько минут, а иногда и секунд в отдаленных точках неба. На востоке, как только солнечный диск коснулся противоположного горизонта, внезапно на большой высоте проступили окрашенные в ядовито-сиреневые тона облака, до тех пор невидимые. Это зрелище быстро развернулось, обогащаясь деталями и оттенками, затем начало исчезать справа налево, как бы стираемое уверенным и медленным движением чьей-то руки. Через несколько секунд остался лишь глянцево-серый сланец неба ниже укрепления из облаков. Их окраска переходила в белые и серые тона, тогда как небо розовело.

Со стороны солнца пламенела уже новая полоса. По мере того как ее красные излучения слабели, многоцветье зенита, которое еще не сыграло свою роль, медленно становилось объемным. Его нижняя поверхность позолотилась и вспыхнула, верхушка, прежде сверкающая, окрасилась в каштановые и фиолетовые тона. Все строение предстало как бы под микроскопом: тысячи мелких волокон, словно поддерживаемые скелетом, образовали пухлые формы.

Теперь прямые лучи солнца совсем исчезли. На небе оставались лишь розовый и желтый цвета: креветка, лосось, лен, солома, но и эта неброская гамма тоже рассеялась. Небесный пейзаж возродился в сочетании белого, голубого и зеленого. Однако кое-где на горизонте еще продолжалась недолговечная и независимая жизнь. С левой стороны незаметная дымка внезапно обозначилась причудливым смешением таинственных зеленых тонов, которые постепенно перешли в красные цвета — сначала ярких, потом темных, фиолетовых и, наконец, угольных тонов. И вот уже нет ничего, кроме неровной линии, оставленной угольным карандашом на зернистой бумаге. Позади небо было в желто-зеленых альпийских тонах, а полоса оставалась непроницаемой, с резким контуром. На западной стороне неба небольшие золотые горизонтальные бороздки еще посверкали минуту, но на севере была уже почти ночь: бугристое укрепление являло собой лишь беловатые выпуклости под известковым небом.

Ничто не кажется столь таинственным, как совокупность всегда одинаковых, но не предсказуемых в своей комбинации переходов, посредством которых ночь приходит на смену дню. Ее печать появляется на небе внезапно, сопровождаемая неуверенностью и тревогой. Никто не способен предугадать, какую форму примет — и только в этот единственный раз — приход ночи. Какая-то непостижимая алхимия превращает каждый цвет в свои бесчисленные варианты, тогда как хорошо известно, что на палитре для этого нужно открыть не один тюбик. Однако возможности ночи смешивать краски безграничны, ибо ее спектакль — феерия: розовый цвет неба переходит в зеленый. Оказывается, я не обратил внимания, что

24

некоторые облака сделались ярко-красными, из-за чего небо по контрасту представляется уже зеленым, хотя на самом деле оно было розовым, но очень бледного оттенка, который не может дольше бороться с чрезвычайно резким свойством нового цвета. Его я не заметил потому, что переход от золотистого цвета к красному вызывал меньшее удивление, нежели от розового к зеленому. Итак, ночь наступает словно обманом.

Вакханалию золота и пурпуры ночь начинала подменять их от-ргшанием, заменяя теплые тона на белые и серые. На небосводе медленно открылся морской пейзаж из громадного заслона обла-ков, растягивающихся в виде параллельных полуостровов, — ни дать ни взять плоское песчаное побережье с вытянутыми в море косами — вид, часто открывающийся с самолета, летящего на небольшой высоте и накренившегося на крыло. Эта иллюзия усиливалась последними отсветами дня, которые, освещая под очень острым углом облачные острия, придавали им рельефный вид. Облака стали походить на